

Немного - о нелепо прожитой жизни

Прошла неделя. Неделя с премьеры и четыре года с первой пробы. Я сижу перед компьютером, пересматриваю фотографии, и в очередной – уже не первый, и даже не десятый - раз пытаюсь понять: как мы это сделали? Как ребята и девчонки это сделали? Вот это, например?

Откуда у Маши эта горечь во взгляде? Это второй акт, до расставания – три года, а она уже понимает, что оно неизбежно. Им всего-то слегка за двадцать, что Маше Прозоровой, что Маше Ероховец... Это всё Чехов, Чехов... И, разумеется, Маша. Потрясающая Маша, в четыре дня сыгравшая три премьерные роли так, что говорящие о них захлебывались словами... Как бережно Вершинин целует ей руку. Любимой женщине целуют либо пальцы, либо запястье; ни в коем случае не тыльную сторону ладони. Это не я, я не успел ему это объяснить. По правде говоря, я даже не успел об этом подумать, только теперь смотрю – и вспоминаю... Откуда у моего Вершинина этот разворот плеч, эта офицерская осанка? Как трудно было Денису учить эти бесконечные монологи про «жизнь через 200-300 лет»...

Меня вырастила прабабушка, дочь царского генерала и жена царского офицера. Я помню, она говорила: «Гвардейский офицер – или, скажем, <глаза опущены, руки на столе, интонация задумчиво-безразличная, безупречная блузка, брошка> Генерального штаба <ее отец был в свое время офицером Генерального штаба> узнается по тому, как он подходит к руке». Спи, прабабушка Елена Васильевна, спокойно на Новодевичьем в ста пятидесяти метрах от Чехова и Немировича, твоему правнуку через тридцать с лишним лет после твоей кончины каким-то интуитивным образом пригодились это знание.

Кстати, вот прапрадедушка с дочерью (справа) и ее подругой. Военный инженер, полковник (на тот момент). Примерно 1912-й. А рядом его непутевый, не пошедший дальше старшего лейтенанта жидкого разлива начала 1990-х праправнук, в мундире подполковника медицинской службы. Прав был Воланд, «причудливо тасуется колода...» Ему на фото лет 46, как мне сейчас...

Вот Андрей и его жена Наташа, главная – как кажется сестрам – причина их несчастий.

Диана Досаева удивительно точно сыграла единственного счастливого человека в этой пьесе. Я горжусь этой своей во многом случайной находкой: скромная, незаметная, боящаяся на уроке лишнее слово вставить девочка оказалась тонкой, своеобразной, на лету ловящей любую режиссерскую установку актрисой. Она сыграла торжество жизни – убогой, но самодостаточной – над этим вымирающим мирком глубоко непонятных ей людей. Если бы я не знал, что в жизни Диана – полная противоположность Наташе – я бы поверил, что она просто играла себя...

Ваня Чайковский меня потряс фантастической внутренней работой. Лишенный – казалось бы! – стандартных актерских навыков (умения «изобразить», поставленного голоса, свободы движений), Ваня, как Большой Артист, от репетиции к репетиции прибавлял, неуклонно и неостановимо.

Незаметный в периоды пауз, забивающийся куда-то за кулисы со своим телефоном, он неизменно оказывался на сцене в нужный момент и всем присутствующим хотелось сочувствовать этому нескладному, нелепому человеку. Нет, не Ване Чайковскому, конечно, - Андрею Прозорову.

Ольга. Ольга Сергеевна, старшая из сестер. Четыре года назад десятиклассница Юлия Муллина удивительным образом прочувствовала «зерно» этой роли – Ответственность. За дом. За сестер, за их хрупкое благополучие... «Выходи за барона»... Она сумеет устроить судьбу только старенькой няньки Анфисы, бедная старшая сестра, но именно ей предстоит произнести знаменитое: «Милые сестры, жизнь наша еще не кончена...» Одна из в высшей степени искушенных наших зрительниц через пару дней сказала: «А этому монологу я не поверила...» Правильно, ему и сестры с Чебутыкиным не поверили...

Кулыгин Гриши Артамонова, недалекий добряк, искренне довольный собой в первой половине пьесы, и не знающий, куда себя деть от надвигающейся катастрофы во второй. Вот он сидит, съезжившийся и растерявший весь свой лоск надворного советника и кавалера Станислава 2-й степени, рядом с любовником жены. Чехов передал ему любимую фразу своего младшего брата Ивана Павловича, скромного провинциального учителя: «Я доволен, я доволен... Я доволен!»

Если бы Станиславский был жив (!), его любимым артистом в этой труппе стал бы Миша Кипнис. Вот кто абсолютно «по системе» шел «от детали», «от нюанса», доводя режиссера до обморока требованиями показать, как зажигал спичку курящий обер-офицер последней четверти XIX века. В результате этот образ оказался одним из самых точных. Вряд ли кто-то в зале сочувствовал Соленому, но – как мне представляется – все без труда понимали его мотивы.

Нянечка, изумительная Софья Филипповна, произнесшая на сцене ровно шесть фраз, но связавшая своей Анфисой весь спектакль в единое целое. Благодаря ей в первую очередь возникало ощущение дома, уюта, эпохи.

И, наконец, Ирина и Тузенбах... Аня Шанько и Егор Федоров... Традиционно главной парой во всех постановках «Трех сестер» были Вершинин и Маша; видимо, так повелось со времени Станиславского и Книппер.

А у нас само собой, вопреки (или, скажем аккуратнее, «не согласуясь с...») всем режиссерским замыслам на первый план выдвинулись Ирина и Тузенбах. И в самом деле: Ольга остается при каком-никаком – деле. Маша при каком-никаком – муже. И только младшая, потеряв и дом, и мужа, едет наобум господ Бога в неизвестность. Два хороших человека, не созданных друг для друга. Рок. Судьба. Всё на их стороне – чего не жить? Но Ирина не любит честного, искреннего, прямого барона, а барон не может сдержаться за сутки до отъезда у театра...

Всё нелепо, нескладно. Хорошие люди живут и мучаются из-за вздорных обстоятельств, нелепых предрассудков, дурацких принципов.

Всё как сейчас. Это был – Антон Павлович Чехов.